

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.44>

Елатко Татьяна Александровна

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА КОНЬ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ И ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка. Концепт КОНЬ является составной частью языковой картины мира русского народа, поэтому цель работы - описание лексического наполнения концепта на материале словарей. Автор дает семантическую характеристику базовых имен концепта - лексем "конь" и "лошадь". Получены выводы о том, что в словарях отражена семантическая, стилистическая и аксиологическая дифференциация синонимов "конь" и "лошадь". Также в исследовании отмечено постепенное сужение "словесно-семантического мира" концепта КОНЬ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 213-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SYSTEM OF LINGUISTIC MARKERS OF M. F. DORONOVICH'S IDIOSTYLE
REPRESENTED IN LEADING ARTICLES
OF THE NEWSPAPER "OTKLIKI KAVKAZA" ("CAUCASIAN VOICES") IN 1917

Dorofeeva Ol'ga Alekseevna

Chernova Lyubov' Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Armavir State Pedagogical University
pressagpu@mail.ru; lolache@mail.ru

The theme of the study is the language (idiostyle) of the outstanding pre-revolutionary essay writer M. F. Doronovich. Leading articles are the material to highlight the most systematic linguistic markers. Basing on the linguistic analysis of the leading articles texts by M. F. Doronovich published in the newspaper "Otkliki Kavkaza" ("Caucasian Voices") in 1917, the authors present a system of the journalist's linguistic markers including evaluative metaphoricity, hyperbolicity and high emotionality. Basing on numerous examples, the paper identifies the parameters of the essay writer's idiostyle.

Key words and phrases: idiostyle; leading article; linguistic marker; representation; evaluativity; metaphoricity, hyperbolicity.

УДК 81.371

Дата поступления рукописи: 21.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.44>

В статье рассматривается лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка. Концепт КОНЬ является составной частью языковой картины мира русского народа, поэтому цель работы – описание лексического наполнения концепта на материале словарей. Автор дает семантическую характеристику базовых имен концепта – лексем «конь» и «лошадь». Получены выводы о том, что в словарях отражена семантическая, стилистическая и аксиологическая дифференциация синонимов «конь» и «лошадь». Также в исследовании отмечено постепенное сужение «словесно-семантического мира» концепта КОНЬ.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; концепт; семантика; сема; слово; лексико-семантический вариант.

Епатко Татьяна Александровна

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А. К. Серова
epatko.t.a@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *КОНЬ*
В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ И ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В последние десятилетия в работах по лингвистической семантике большое внимание уделяется реконструкции языковой картины мира, единицей описания которой признается концепт, представляющий собой «как бы сгусток культуры в сознании человека» [11, с. 43]. Изучение концепта *КОНЬ* представляется **актуальным**, так как он является концептом, значимым для понимания русской лингвокультуры. В нём сконцентрированы представления о мировидении народа, его военной и хозяйственной жизни. Известно, что для полной характеристики концепта необходимо рассмотрение его в разных ракурсах и на различных уровнях, но прежде всего – на лексическом, что предполагает изучение данных словарей, в которых зафиксированы обобщенные представления носителей языка о содержании слов, являющихся именами того или иного концепта.

Цель данной статьи – проанализировать лексико-семантическое наполнение концепта *КОНЬ* на материале этимологических и толковых словарей русского языка. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: описание ядерного компонента концепта, выявление сходства и различия в семантике основных имён концепта, определение их оценочной составляющей. Это определяет и научную **новизну** работы: сделана попытка подробной и систематической сопоставительной характеристики базовых имён концепта *КОНЬ* на материале наиболее авторитетных в русской и советской лексикографии этимологических и толковых словарей. Лингвисты, занимавшиеся исследованием семантического потенциала концепта *КОНЬ* (Н. А. Илюхина, Е. Н. Булатникова), утверждают, что базовыми именами данного концепта в русской языковой картине мира являются лексемы *конь* и *лошадь* [2, с. 25; 5, с. 30].

Для характеристики этимологии интересующих нас слов обратимся к «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, «Этимологическому словарю русского языка» А. Г. Преображенского, «Историко-этимологическому словарю» П. Я. Черных и «Краткому этимологическому словарю» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской. Все эти словари сходятся в том, что происхождение слова *конь* неясно. Высказывается предположение, что это слово общеславянское и может восходить к индоевропейскому корню *kob-*, от которого было образовано общеславянское слово *kobyła* (русское *кобыла*) [15, с. 210]. П. Я. Черных добавляет к этому, что название мужской особи лошади – *конь* – образовано от названия женской особи – *кобыла*, хотя допускает возможность происхождения этого слова и от другого этимона – общеславянского глагола *kovati*, так как славяне издревле подковывали своих коней [14, с. 426]. В этом случае можно предположить, что первоначально слово *конь* означало ‘подкованное животное’. М. Фасмер и А. Г. Преображенский

предполагают, что слово *конь* может происходить и от глагола *skopiti*, в таком случае оно имело значение 'кастрированный жеребец' [7, с. 348; 13, с. 316].

Слово *лошадь* является древнерусским производным от тюркского *алаша*, что значит «лошадь, мерин» [15, с. 247], поэтому можно предположить, что появилась эта лексема в языке позже общеславянского слова *конь*. П. Я. Черных уточняет, что в других славянских языках слову *лошадь* соответствует слово *конь*, хотя корень *лош-* присутствует в некоторых лексемах, например, в украинском есть *лоша* – «жеребёнок», *лошак* – «молодой конь», *лошиця* – «кобыла» [14, с. 493]. Наличие в славянских языках слов с корнем *лош-* отмечено также в словарях А. Г. Преображенского [7, с. 473] и М. Фасмера [13, с. 525].

Таким образом, обобщение данных этимологических словарей позволяет утверждать, что лексема *конь* общеславянского происхождения, а её исконное значение может включать семантические варианты: 'самец кобылы', 'кастрированный жеребец', 'подкованное животное'. Тюркское же по происхождению слово *лошадь* изначально означало 'лошадь вообще' или 'кастрированный жеребец'.

К исследованию лексических значений слов *конь* и *лошадь* привлекались также «Словарь русского языка XI-XVII вв.» (далее – Сл. РЯ XI-XVII вв.), «Словарь русского языка XVIII века» (далее – Сл. РЯ XVIII в.), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (далее – Словарь Даля), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – Словарь Ушакова), «Словарь русского языка» в четырёх томах под редакцией А. П. Евгеньевой (Малый академический словарь) (далее – МАС), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее – Словарь Ожегова), «Современный толковый словарь русского языка» в трёх томах Т. Ф. Ефремовой (далее – Словарь Ефремовой).

Анализ материалов перечисленных толковых словарей указывает на то, что слово *конь* является полисемантом. По-особому представлена лексическая семантика этой единицы только в Словаре Ефремовой: здесь все лексико-семантические варианты (ЛСВ) слова *конь* подаются как омонимы.

«Сквозной» ЛСВ, который выделяют в структуре лексемы все словари, имеет ключевую сему *лошадь, животное*. Толкование этого первого непроемного ЛСВ во всех источниках осуществляется через синоним-идентификатор *лошадь* или через родовое понятие *непарнокопытное животное*. Лишь в структуре словарной статьи Сл. РЯ XI-XVII вв. как «лошадь вообще» толкуется оттенок второго значения («боевой конь, верховая воинская лошадь»), который располагается после ЛСВ1 («жеребец, самец лошади») [9, вып. 7, с. 287]. Согласно логике построения словарной статьи в толковых словарях, обычно «на первом месте ставится наиболее употребительный вариант» [8, т. 1, с. 7]. Логично предположить поэтому, что носители древнерусского языка под словом *конь* подразумевали прежде боевого коня и лишь затем лошадь вообще.

Следующая сема, которая выделяется в толковании значений слова *конь* всеми словарями, кроме словаря Ушакова, обусловлена таким признаком этого животного, как пол. Практически во всех рассматриваемых словарях сема *пол* входит как дифференцирующий признак в структуру ЛСВ с ключевой семой *лошадь*. Кроме того, Сл. РЯ XI-XVII вв. и Словарь Даля в структуре многозначного слова *конь* выделяют особые лексико-семантические варианты, имеющие значение «жеребец, самец лошади» [3, с. 156; 9, вып. 7, с. 287].

Ещё одним «сквозным» семантическим признаком, включённым в толкование слова *конь*, является назначение животного. В Сл. РЯ XI-XVII вв. представлен отдельный ЛСВ 2 со значением «боевой конь, верховая воинская лошадь» [9, вып. 7, с. 287]. Словарь Ушакова и МАС указывают на боевое назначение коня через пометы к ЛСВ 1: *воен.* (Словарь Ушакова); *в речи военных* (МАС). Кроме того, в этих словарях сема *боевой конь* актуализируется в примерах: «Боевой конь» (МАС); в качестве устойчивого сочетания приводится военная команда «На конь (воен.)» (Словарь Ушакова), «На конь (устар.); по коням» (МАС). Сл. РЯ XVIII в. отмечает как боевое, так и рабочее применение коня, но не прямо, в толковании лексемы, а опосредованно, в иллюстративной части к ЛСВ 1: «Прапорщик без... позволения на конь никогда не садится»; «Вышел из кареты, увидел запряжённую четырьмя конями коляску, скачущую во весь мах» [10, вып. 10, с. 158]. В Словаре Ожегова сема *боевой конь* тоже актуализируется в примерах к ЛСВ 1: «Боевой конь. По коням! (кавалерийская команда)» [6, с. 288]. В Словаре Даля ЛСВ 4 толкуется как «верховая лошадь» [3, с. 156]. Такое толкование указывает на более широкую сферу использования коня – не только для воинской службы, но и для верховой езды вообще. В то же время сема *боевой конь* актуализируется здесь в примере: «Конь воина обнюхивает – убитым быть» [Там же]. И только в Словаре Ефремовой, представляющем лексику конца XX – начала XXI века, на первое место выносятся не военное, а рабочее назначение коня: «...животное, используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах» [4, с. 1027]. Скорее всего, такое изменение в лексическом значении слова отражает перемены, которые вносит в нашу жизнь технический прогресс: боевого коня в современной армии вытеснила техника. Но то, что словари так или иначе отмечают наличие в структуре многозначного слова *конь* семы *боевой*, свидетельствует об устойчивости в коллективном языковом сознании представления о военном назначении этого животного.

Словарь Даля локально ограничивает употребление слова *конь* в значении «лошадь, животное», в частности, отмечается, что на юге, на севере и в Сибири редко говорят «лошадь». В Словаре Ушакова даются стилистические пометы, ограничивающие сферу употребления этого слова торжественной, поэтической речью, профессиональным общением военных или областью распространения [12, т. 1, стб. 1457]. МАС тоже стилистически маркирует употребление слова *конь*: в поэтической речи, в речи военных или людей, профессионально занимающихся коневодством [8, т. 2, с. 98].

Таким образом, почти все рассматриваемые толковые словари под словом *конь* подразумевают самца лошади; нерабочую, верховую лошадь, использовавшуюся преимущественно при проведении боевых действий.

Словари отмечают также стилистическую ограниченность употребления слова *конь*. Необходимо отметить, что в XI-XIX вв. семантика слова *конь* была более широкой, чем у современной лексемы. Сл. РЯ XI-XVII вв. и Словарь Даля фиксируют соответственно три и четыре лексико-семантических варианта с ключевой семой *лошадь*, *животное*, которые в словарях, отражающих лексику более позднего времени, слились в один вариант, утративший такие важные для людей прошлого дифференцирующие признаки лексического значения слова *конь*, как порода (ЛСВ 3 со значением «конь, лошадь какой-л. породы») присутствует в Сл. РЯ XI-XVII вв. [9, вып. 7, с. 288]) и положительная коннотация (ЛСВ 2, включающий сему положительной оценки: «лошадь добрая, не кляча») отмечен в Словаре Даля [3, с. 156]). Может быть, это связано с историческим снижением роли коня в жизни человека. С течением времени люди в своей мирной и военной жизни постепенно заменяли коня различными видами техники, большая часть носителей языка утрачивала связь с этим животным, потому и «словесно-семантический мир» соответствующего концепта начал сужаться и частично устаревать.

Остальные лексико-семантические варианты значения рассматриваемого слова являются в словарях производными от основного ЛСВ с ключевой семой *лошадь*, *животное*. Они образовались путём метафорического переноса по сходству внешнего вида, конфигурации сравниваемого предмета с конём. Н. А. Илюхина отмечает, что признак «“конфигурация” широко используется при номинации предметов, внешне напоминающих коня, при этом чаще актуализируются следующие признаки: а) “общий внешний вид” и б) “характерный изгиб шеи, конфигурация верхней части туловища”» [5, с. 100]. Так, в структуру полисеманта *конь* во всех словарях входит ЛСВ (в Словаре Ефремовой – омоним) со значением «шахматная фигура, изображающая конскую голову на высоко изогнутой шее» [3, с. 156; 4, с. 1027; 6, с. 288; 8, т. 2, с. 98; 9, вып. 7, с. 287; 10, вып. 10, с. 158; 12, т. 1, стб. 1457].

В Сл. РЯ XI-XVII вв., Сл. РЯ XVIII в. и в Словаре Даля присутствует ЛСВ с ключевой семой *водяное животное*. Конём (с определением: морской, водный, болотный) когда-то называли моржа, тюленя, гиппопотама и даже «фантастическое морское животное с конской головой» [10, вып. 10, с. 158]. Однако этот ЛСВ уже не отмечен в словарях, отражающих лексику более позднего времени.

В трёх из семи рассматриваемых толковых словарей (Сл. РЯ XI-XVII вв., Сл. РЯ XVIII в., Словаре Даля) отмечается ЛСВ (а в Словаре Ефремовой – омоним) со значением «брус, идущий по гребню крыши» [3, с. 156; 4, с. 1027; 9, вып. 7, с. 287; 10, вып. 10, с. 158]. В Сл. РЯ XVIII в. и в Словаре Ефремовой, кроме того, конём называется и «резное украшение – иногда в виде конской головы – на гребне крыши» [4, с. 1027; 10, вып. 10, с. 158].

Сл. РЯ XVIII в. даёт также вариант употребления ЛСВ 1: «О детской игрушке» [10, вып. 10, с. 158]. В Словаре Ушакова этот пример употребления оформлен как самостоятельный ЛСВ 2 с толкованием «детская игрушка, изображающая лошадь» [12, т. 1, стб. 1457]. В более поздних словарях этот вариант отсутствует.

В Сл. РЯ XVIII в. отмечен ещё один пример употребления ЛСВ 1, актуализирующий сему *волшебный конь*: «О мифологическом, сказочном крылатом коне» [10, вып. 10, с. 158]. В Словаре Даля сема *волшебный конь* является ключевой для стилистически маркированного (тул. и др.) ЛСВ 7 *конь-камень*, имеющего толкование: «стоящий от природы или на могиле, кургане на ребро, стоймя; под конём, по поверью, клад; камень по ночам, обращаясь в коня, скачет тяжким топотом по полям и ржёт» [3, с. 157]. Таким образом, словари фиксируют народные представления о мифологических конях, везущих Солнце или олицетворяющих тучи (именно с конями-тучами связаны предания о кладах, которые могли являться в образе коня) [1, с. 200].

В словарях второй половины XX – XXI в. (МАС, Словарь Ожегова, Словарь Ефремовой) появляется ЛСВ слова *конь* (в Словаре Ефремовой – омоним), образованный, как и уже описанные производные значения, путём метафорического переноса наименования по сходству конфигурации и означающий «гимнастический снаряд». Хотя то же значение «спортивный снаряд (конь)» зафиксировано значительно ранее в словарной статье другого наименования данного концепта, а именно слова *лошадь*, синонимичного слову *конь*, уже в Сл. РЯ XI-XVII вв. [9, вып. 8, с. 289] и в Сл. РЯ XVIII в. [10, вып. 11, с. 236], поэтому семантическим неологизмом XX века этот ЛСВ считать нельзя.

Рассмотрим теперь, как представлена в толковых словарях лексема *лошадь*. Анализ материалов толковых словарей указывает на то, что слово *лошадь*, как и слово *конь*, является полисемантом, и лишь в Словаре Ефремовой все лексико-семантические варианты данного слова представлены как омонимы. Толкование первого и главного ЛСВ происходит либо через родовое понятие *животное*, либо через синоним *конь* и включает описание таких признаков этого животного, как отнесённость к биологическому отряду непарнокопытных (Словарь Ожегова, Словарь Ефремовой) и семейству лошадиных (Словарь Ожегова); размер (Сл. РЯ XVIII в., МАС, Словарь Ожегова, Словарь Ефремовой); степень прирученности (Сл. РЯ XVIII в., Словарь Ушакова, МАС, Словарь Ефремовой; в Словаре Даля эту сему актуализирует ЛСВ 4); порода (Сл. РЯ XI-XVII вв.); назначение (Сл. РЯ XI-XVII вв., Сл. РЯ XVIII в., Словарь Ушакова, МАС, Словарь Ефремовой; в Словаре Даля данное значение имеет ЛСВ 3). Большое число определений, «зафиксированных толковыми словарями и указывающих на способ использования лошади, говорит о преобладании функционально-ориентированного взгляда человека на это животное» [2, с. 26]: лошадь может употребляться для верховой езды и в военных действиях (*верховая*, *кавалерийская*), но преимущественно это животное предназначено для выполнения каких-либо работ (*возковая*, *каретная*, *ездовая*, *пахотная*, *рабочая*, *упряжная*, *вьючная* и т.д.). Сема *работа* является ключевой и во фразеологизмах, приведённых в качестве иллюстративного материала в толковых словарях: «он работает как лошадь, т.е. усердно» [3, с. 274], «работать как лошадь (много и тяжело)», «рабочая лошадка – о трудолюбивом человеке, безотказном работнике» [6, с. 326], «лошадь – о том, кто работает тяжело, много» [Там же, с. 325]. В Словаре Ефремовой значение «тот, кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других»

закреплено за третьим омонимом. Е. Н. Булатникова отмечает, что «в системно-языковом значении слова *лошадь*... содержится имплицитный признак 'работа' и его конкретизатор 'тяжелая'», и по этому признаку «слово *лошадь* противопоставлено своему семантическому корреляту *конь*» [2, с. 26-27].

Сема *пол*, ярко выраженная в семантической структуре слова *конь*, в семантике лексемы *лошадь* отсутствует: лошадью можно назвать и самца (коня), и самку (кобылу). Только в Словаре Даля, наряду с ЛСВ 1, толкуемым как «конь вообще», присутствует ЛСВ 2, актуализирующий сему *пол* и обозначающий не жеребца и не кобылу, а мерина (кастрированного жеребца).

Кроме того, в Сл. РЯ XVIII в. как стилистически маркированный (простореч. бран.) вариант первого значения отмечается употребление слова *лошадь* в качестве характеристики лица с отрицательной коннотацией: «О несообразительном, нерасторопном человеке» [10, вып. 11, с. 236]. В Словаре Ефремовой это значение представлено как ЛСВ 2 второго омонима.

Стилистически маркированы и также имеют пейоративную окраску (разг. неодобр.) характеристики лица и переносное значение, отмеченное в Словаре Ожегова: «Ну и лошадь эта баба (о крупной и нескладной женщине)» [6, с. 326]. В Словаре Ефремовой это значение фиксируется как ЛСВ 1 второго омонима.

Все прочие лексико-семантические варианты лексемы *лошадь*, представленные в толковых словарях, являются производными от ЛСВ с ключевой семой *лошадь вообще, животное*. Как и производные ЛСВ слова *конь*, они образовались путём метафорического переноса по сходству внешнего вида, конфигурации сравниваемого предмета с лошадью.

В Сл. РЯ XI-XVII вв. присутствует ЛСВ 2 с ключевой семой *игрушка*, который, однако, уже не отмечен в более поздних словарях.

В Сл. РЯ XVIII в. и в Словаре Даля представлены также ЛСВ 2 и ЛСВ 5 соответственно с ключевой семой *бегемот*. В словарях, отражающих лексику более позднего времени, это значение также отсутствует.

В Сл. РЯ XI-XVII вв. и в Сл. РЯ XVIII в. в словарных статьях к слову *лошадь* в качестве ЛСВ 3 зафиксировано, как было сказано ранее, значение «спортивный снаряд (конь)» [9, вып. 8, с. 289; 10, вып. 11, с. 236]. В то же время производные ЛСВ лексемы *конь* со значением «брус, идущий по гребню крыши» и «мифологический, сказочный конь» в структуре словарной статьи слова *лошадь* в анализируемых словарях отсутствуют. Зато в Словаре Ушакова представлено образованное путём метонимического переноса значение (ЛСВ 2), не отмеченное у слова *конь*: существительное *лошадь* в форме множественного числа обозначает конный экипаж [12, т. 2, стб. 98]. В МАСе это значение зафиксировано как употребление ЛСВ 1.

Таким образом, сопоставительный анализ лексической семантики слов *конь* и *лошадь*, проведенный на материале основных этимологических и толковых словарей русского языка с целью выявления общезыковой лексической семантики основных имён концепта КОНЫ, являющегося значимой константой русскоязычной картины мира, позволяет обнаружить сходства и различия в семантике основных имён концепта и определить их оценочную составляющую. Так, лексикографические источники, представляющие значения слова *конь*, выделяют такие семы ядерной части семантики концепта, как «лошадь вообще», «жеребец», «боевой конь». Семантика второго имени данного концепта – слова *лошадь* – несколько шире: она включает такие ядерные элементы, как «лошадь вообще (кобыла, конь, мерин)», «рабочая лошадь», «строевая лошадь». По данным словарей, лексемы *конь* и *лошадь* являются синонимами, которые допускают толкование одной лексемы через другую, но при этом имеют некоторые различия в своей семантической структуре: лексема *конь* обозначает животное, используемое прежде всего в боевых действиях, в слове *лошадь* самой «яркой» является сема «рабочее животное». Кроме того, слово *конь*, в отличие от слова *лошадь*, имеет преимущественно положительную коннотацию и более характерно для поэтической речи.

Наличие у лексем *конь* и *лошадь* различных производных значений, зафиксированных в словарях («водяное животное», «детская игрушка», «гимнастический снаряд», «волшебный конь», «шахматная фигура», «верхний брус кровли», «конный экипаж»), свидетельствует о коммуникативной востребованности этих слов, а отмеченная в Словаре Ефремовой омонимия производящих значений слов *конь* и *лошадь* и их семантических дериватов указывает на то, что в современном языковом сознании они уже достаточно далеко отошли друг от друга.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2005. 608 с.
2. Булатникова Е. Н. Концепты ЛОШАДЬ и АВТОМОБИЛЬ в русском языке: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2006. 207 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.: Издательство М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 1. 1165 с.
5. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта; Наука, 2010. 320 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
7. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2-х т. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910. Т. 1. 674 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / Академия наук СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.; 1986. Т. 2. 736 с.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв.: в 28-ми вып. / Академия наук СССР, Институт русского языка; гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 404 с.; 1981. Вып. 8. 352 с.

10. **Словарь русского языка XVIII века:** в 21-м вып. / Академия наук СССР, Институт лингвистических исследований; гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 1998. Вып. 10. 256 с.; 2000. Вып. 11. 261 с.
11. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
12. **Толковый словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. 1562 стб.; Т. 2. 1040 стб.
13. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
14. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 623 с.
15. **Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.** Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT *КОНЬ* (*HORSE*) IN ETYMOLOGICAL AND EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Епатко Tat'yana Aleksandrovna

Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
epatko.t.a@yandex.ru

The article examines lexical representation of the concept *КОНЬ* (*HORSE*) in the etymological and explanatory dictionaries of the Russian language. The concept *КОНЬ* is an integral element of the Russian linguistic worldview, so the study aims to describe the lexical filling of the concept by the material of dictionaries. The author offers a semantic characteristic of the concept basic names – the lexemes “*конь*” and “*лошадь*” and concludes that dictionaries represent semantic, stylistic and axiological differentiation of the synonyms “*конь*” and “*лошадь*”. The researcher points out that the “verbal and semantic world” of the concept *КОНЬ* gradually narrows.

Key words and phrases: linguistic worldview; concept; semantics; seme; word; lexico-semantic variant.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 24.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.45>

В статье представлены материалы полевых исследований говоров Белгородчины. Несмотря на свою относительную «маргинальность» в системе русских говоров, диалекты и региолект Белгородской области как региона пограничья являют собой значимый объект диалектологического описания. Лингвогенетический и лингвокультурологический анализ лексики говоров Белогорья показал, что они сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения, сохраняя архаизм и фиксируя следы межэтнических контактов. Установление ареала распространения и соотношения диалектных лексем, заимствований и их источников позволяет говорить о становлении и эволюции русских говоров юга России, репрезентирующих столкновение различных этноязыковых потоков и языковой традиции.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; диалект; региолект; архаизм; диалектизм; лексическое заимствование; украинизм.

Кошарная Светлана Алексеевна, д. филол. н., профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
kosharnaja@bsu.edu.ru

ЛИНГВОГЕНЕТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА БЕЛГОРОДЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

«В настоящее время происходит переосмысление места порубежных пространств... Обращается внимание на значительный потенциал пограничий (культурный, экономический, политический)» [7, с. 116-117]. Так, особое место в современных диалектологических исследованиях занимают говоры пограничья, к которым относятся региолект и говоры Белгородской области. На первый (поверхностный) взгляд, региолект Белогорья схож с суржиком, который традиционно трактуется как результат наложений на русскую или украинскую основу. «С позиции социолингвистики, *суржик* можно трактовать как бытовую речь значительного числа украинцев, в котором объединенные лексические и грамматические элементы украинской и русской языковых систем используются без соблюдения литературной нормы» [9, с. 63].

Однако в данном случае регион представляет собой специфическую территорию, на которой в течение веков формировался особый региолект, в котором, благодаря территориальной и лингвокультурной удаленности от центра, сохранялись рефлексы более древних языковых состояний, в результате чего здесь обнаруживается значительный пласт лексической архаики.

В этом контексте **актуальность** настоящего исследования обусловлена не только необходимостью выработки новых – интегративных – подходов к материалу диалектов, но и тем, что в объективе настоящего исследования оказывается значимый по величине и по культурному вкладу регион, региолект и диалекты которого представляют собой весьма неоднородное явление, представляющее интерес для современной диалектологии. Кроме того, в лексическом составе белгородских диалектов нашли отражение и фиксацию культурные процессы и явления этноязыкового пограничья, что значимо для современной лингвокультурологии.